

В свою первую ночь пребывания в военной академии Тёмной планеты Цюэ Цю спал беспокойно.

Сначала всё было хорошо, и никаких аномалий не ощущалось. Но постепенно, непонятно почему, Цюэ Цю почувствовал, что на нём появился груз, который становился всё тяжелее, словно змея туго обвилась вокруг, сдавливая его так, что он не мог перевести дух.

Изначально ровное дыхание под тяжестью на теле стало более затруднённым, и температура вокруг тоже постепенно поднялась. Цюэ Цю словно погрузился в жаркий и страшный ад.

Омега на кровати беспокойно повёл веками, пытаясь открыть глаза и посмотреть, что это на нём творилось. В полусне влажное ощущение на щеках становилось всё явственнее, словно что-то тёплое потихоньку его облизывало.

Это осознание быстро разбудило Цюэ Цю. Он даже подумал, что находится в окружении хищников на дикой равнине, а облизывающее его существо — голодный уже несколько дней волк, готовящийся к сытной трапезе.

Он резко открыл глаза, и перед ним предстал не белоснежный потолок, а увеличенное в несколько раз красивое лицо.

Цюэ Цю: «?!»

Проснувшись, Цюэ Цю почти мгновенно сел и инстинктивно оттолкнул человека перед собой.

Оказывается, тот, кто лежал на нём и по-звериному облизывал его, был вовсе не свирепым зверем из кошмара, а человеком?!

Однако, прежде чем он смог разобраться, почему в комнате, где поселился только он, появился другой человек, тот парень, которого он оттолкнул, снова полез на кровать.

Этот парень был одет кое-как, в неподходящую по размеру военную форму: чёрная безрукавка не скрывала мышц на его руках, две длинные ноги были затянуты в военные штаны в стиле рабочей одежды, а на голове проглядывало что-то длинное, что было сложно различить в темноте.

Хотя видимость оставалась плохой, Цюэ Цю всё же явно понял, что эта форма была той самой, что он примерял сегодня. Только одежда, которая для него оказалась велика не на один размер, на этом человеке сидела как раз, словно была сшита на заказ.

Парень подходил всё ближе. Зрачки Цюэ Цю настороженно сузились, золотистый свет собрался на кончиках пальцев. Казалось, в следующее мгновение он начнёт действовать.

Нахмурившись, он спросил:

— Кто ты? Почему ты здесь?!

Человек не ответил, но, стоило ему приблизиться, как Цюэ Цю разглядел его черты и снова застыл.

Даже в темноте серебристые волосы этого человека были исключительно заметны, при слабом лунном свете можно было даже разглядеть его серые глаза.

А также два серебристых усика на голове, которые при виде Цюэ Цю радостно покачивались.

Такая внешность...

Повзрослевший Маомао грустно опустил глаза. Его бледные губы тоже недовольно сжались, и он смотрел на Цюэ Цю очень обиженным взглядом.

Его серебристо-серые глаза тоже стали немного влажными, и он тихо позвал:

— Мама. Ты меня не узнаешь?

Сказав это, он приблизился, чтобы лизнуть щеку Цюэ Цю.

— Подожди, подожди...

Хотя незнакомец уже назвался, Цюэ Цю не мог сразу принять такую огромную перемену. Его реакция была немного заторможенной.

Ещё недавно Маомао был гусеницей размером меньше его ладони, как вдруг он превратился в парня, который оказался даже выше его.

Цюэ Цю удивился и слегка расширил глаза, его тело тоже оцепенело от изумления. В его золотых зрачках проглядывала не отстранённость, а недоверие.

— Ты и вправду...

Маомао?

— Да, мама. Ты мне не веришь?

Цюэ Цю инстинктивно отрицал:

— Нет, я просто...

«Просто не могу сразу принять такого большого сына».

Парень, похожий на Маомао, склонил голову набок, а затем придвинул голову к руке Цюэ Цю и, как в детстве, потёрся о его ладонь. Два пропорционально увеличенных серебристых усика, как всегда, прижались в разные стороны.

Картина перед глазами была до боли знакомой, словно те бесчисленные разы, когда Цюэ Цю гладил усики Маомао.

Но...

Тот, кто сейчас, прижавшись к его ладони, с зависимостью тёрся и звал его мамой, был не прежним мягким серебристо-серым клубком, а уже взрослым человеком с бархатным приятным голосом и телосложением больше его.

Цюэ Цю замер на мгновение, совершенно не зная, как реагировать на происходящее.

Но Маомао, казалось, всё ещё имел детское мышление и интеллект. Он не только не считал своё поведение неуместным, но и желал ещё больше сблизиться с Цюэ Цю.

Потёршись об ароматную и мягкую ладонь маленького цветка, он переключил цель на белые изящные мочки ушей и, не спрашивая разрешения, поднял голову и лизнул их.

Цюэ Цю пришёл в себя от странного щекочущего ощущения на кончиках ушей. Его зрачки слегка сузились, и он снова оттолкнул Маомао.

— Кхм, ты...

Цюэ Цю запнулся, чувствуя, что это не очень-то по-родительски, и потому прочистил горло, стараясь вести себя со взрослой версией Маомао как обычно.

— Отойди подальше и сначала сядь.

Вот только он не знал, насколько соблазнительным был в глазах Маомао. Перед парнем сидел прекрасный омега со слегка покрасневшими щеками, словно появившаяся на снегу клубника, такая аппетитная, что ему не терпелось попробовать, сладкая ли она.

Подумав об этом, он так и сделал.

Повзрослевший Маомао, казалось, не был таким послушным, как в детстве, или, возможно, его вела инстинктивная потребность альфы преследовать омегу. В общем, он не только не отошёл, как хотел Цюэ Цю, но и, наоборот, ещё больше приблизился.

Внезапно он оказался прямо перед Цюэ Цю, поднятый им ветерок заставил пряди волос на лбах обоих колыхнуться.

Затем расстояние между ними стало невероятно маленьким, почти нос к носу.

Настолько близко, что можно было пересчитать ресницы друг друга. Настолько близко, что лёгкое дыхание било по барабанным перепонкам, как громкий барабан. Настолько близко, что можно было ясно слышать стучащее сердце другого.

Время, казалось, замерло на несколько секунд. В эти секунды мозг Цюэ Цю временно прекратил думать. Он смотрел на альфу вблизи, в серебристо-серых глазах которого, казалось, переливался лунный свет, мягко окутывая его.

А с точки зрения Маомао, чисто золотые глаза омеги сияли, словно ослепительное солнце в голубом небе. Но он отличался от солнца Тёмной планеты...

Его взгляд ложился на каждого человека равномерно, как у божества.

Молодой альфа вдруг стал крайне недоволен. Недоволен тем, что он был лишь одним из многих, желая завладеть солнцем единолично.

Прекрасное юношеское лицо ожило, и в следующее мгновение ощущение щекотки, словно от кончика пера, пришлось на чувствительные веки.

Цюэ Цю инстинктивно моргнул. Его густые ресницы в движении скользнули по бледным губам альфы. Чёрное и белое ненадолго соединились.

В итоге поцелуй, который должен был упасть на глаза, пришёлся на лоб маленького цветка.

Ещё недавно малыш, ростом достающий лишь до его бедра, внезапно стал выше на целую голову. Когда он целовал его лоб, подбородок Цюэ Цю как раз упирался в сильную грудь, ощущая быстро бьющееся сердце под горячей кожей.

— Мама. — Он тихо рассмеялся, и подбородок Цюэ Цю в ответ задрожал. — Кажется, я уже не ребёнок.

Помимо роста, казалось, были и другие скрытые намёки.

Цюэ Цю беспричинно почувствовал гнев, протянул руку и сильно оттолкнул альфу, прижав к стене, а сам отступил, увеличив дистанцию между ними.

— Не ребёнок? Тогда зачем звать меня мамой?

Тот не защищался, так и ударился о твёрдую стену.

Альфа, с толстой кожей, конечно, не чувствовал боли, но всё же притворно нахмурился. Будь то в детской форме или нынешней, он, казалось, обладал врождённым талантом в том, как заставить кажущегося неприступным, но на самом деле очень мягкосердечного омегу жалеть его.

— Будь я ребёнком или нет, я всегда буду маминой маленькой бабочкой. Это никогда не изменится.

Голос альфы был немного низким, словно он говорил прямо в ухо Цюэ Цю.

— Маленькая бабочка? — Омега холодно усмехнулся и вдруг приблизился к нему.

Когда его лицо, словно слепленное божественным создателем, внезапно появлялось перед глазами, шок был неопишем.

В глазах парня мелькнул восхищённый блеск, но не успел он заговорить, как был безжалостно схвачен за два усика на голове.

— Ты всё ещё маленькая гусеница.

— Временно. И ещё, у меня должно быть имя, а не прозвище Маомао.

— Ты ещё и презираешь это?

— Конечно нет. Всё, что даёт мне мама, — самое ценное в мире.

Цюэ Цю не прокомментировал это, лишь очень тихо хмыкнул.

Альфа даже не моргнул, стараясь выглядеть предельно искренним:

— Я просто думаю, что уже вырос. Мама может попробовать называть меня другим именем.

Цюэ Цю снова сел в месте, далёком от него, рассеянно произнеся:

— Итак, как ты хочешь, чтобы я тебя называл?

— Морф. — Альфа сглотнул и тихо пояснил: — Это означает бабочку, принадлежащую только тебе.

Цюэ Цю поднял взгляд на парня, почему-то тот всегда вызывал у него ощущение знакомой близости.

Он должен был где-то его видеть, но, вспомнив каждую деталь, всё равно не мог вспомнить, где именно.

— Это твоё настоящее имя?

Морф покачал головой:

— Наверное, нет. Но память говорит мне, что кто-то так меня называл.

Тогда, возможно, это было имя, используемое близкими людьми?

Цюэ Цю временно оставил эту тему и снова спросил:

— Теперь ты вспомнил своё происхождение и прошлое?

— Нет. — Морф опустил невинные собачьи глазки. — Ты хочешь меня прогнать, мама?

Когда взрослого человека называли мамой, даже если он выглядел скорее юношей, Цюэ Цю всё равно невольно покраснел.

Он снова отказал:

— Не называй меня мамой, Морф.

Молодой альфа округлил глаза, стараясь выглядеть очень невинным:

— Мама.

Цюэ Цю с некоторой беспомощностью вздохнул и уступил:

— По крайней мере, не при посторонних.

Морф послушно кивнул, словно всё ещё был тем покорным малышом:

— Значит, наедине можно? И только я могу так звать тебя, верно?

— У меня нет других детей, кроме тебя.

— Да, я твоя единственная маленькая бабочка.

Он мысленно добавил: «И в то же время ты — моя единственная маленькая роза».

— Кроме потери памяти, ты знаешь, почему вдруг стал таким?

Морф кивнул:

— Знаю. Это из-за листьев, которые ты дал мне.

— Листья?

— Мм. Я говорил маме, что я альфа-бабочка. Как видишь, я не врал. Но мои гены, возможно, мутировали или эволюционировали. Это привело к тому, что в определённое время я внезапно регрессировал. У меня появился дополнительный период окукливания по сравнению с обычным процессом роста альф, что потребовало заново смоделировать процесс превращения личинки в бабочку.

Морф бессильно развёл руки:

— Я предполагаю, что до того, как попасть в этот непонятный повторный период окукливания, я был довольно взрослым альфой. Изначально я не был настоящим ребёнком, включая сейчас — это лишь мой подростковый период в стадии роста. Что касается текущего состояния, то это временная стадия развития личинки. После прохождения повторного периода окукливания и эволюции из гусеницы в бабочку я вернусь к своему первоначальному виду. А для перехода в каждую следующую стадию требуется поддержка большим количеством энергии. В тех листьях содержалась огромная энергия. Полностью поглотив её, я успешно перешёл в нынешнюю стадию.

Цюэ Цю, подсчитывая разницу между детством и подростковым периодом Морфы, резюмировал:

— Проще говоря, чтобы гусеница превратилась в бабочку, нужно съесть много пищи,

превратив её в энергию, затем перейти из личинки во взрослую особь, потом окуклиться и наконец выйти из кокона? А сейчас ты проходишь подростковую стадию, поэтому тебе ещё предстоит пройти стадию окукливания и выхода из кокона, чтобы по-настоящему превратиться из гусеницы в бабочку.

Во взгляде Морфа промелькнуло одобрение. Он знал, что его мама-омега обладал не только необычайной красотой, но и умом.

Он был особенным.

Увидев, что не ошибся, Цюэ Цю продолжил:

— Тогда тебе нужно больше энергии? Я могу...

— Тс-с-с.

Цюэ Цю моргнул, взгляд упал на палец, прикрывший его губы. Он с недоумением посмотрел на Морфа, вопрошая взглядом о его намерениях.

Но цель альфы была простой, он сказал:

— Не каждая стадия может быть быстро пройдена подобным методом. Самое главное — больше не срывай для меня свои листья. Мне будет больно за маму.

Цюэ Цю на мгновение опешил, не ожидая, что причиной отказа Морфа будет простое беспокойство о нём. Хотя выросший Маомао, казалось, немного изменился в характере, но в заботе о нём он сохранял полное единодушие.

Он не сдержал улыбку и, как обычно, погладил усики Морфа.

— Спасибо за заботу.

Но Цюэ Цю всё же забыл, что перед ним всё-таки находился достаточно взрослый альфа. Даже если он считал свой поступок не сильно отличающимся от прежних, в глазах альфы это был сигнал, позволяющий продвинуться дальше.

Морф убрал руку за спину. В слепой зоне зрения его длинные пальцы слегка дрожали.

Он неподвижно, сосредоточенно смотрел на Цюэ Цю.

Железа на задней части шеи, казалось, немного пылала, а в горле необъяснимо поднялось

ощущение сухости, заставившее его непроизвольно облизать уголки губ.

Он тихо, очень тихо позвал:

— Мама.

В его голосе слышались хрипота и грубость.

Цюэ Цю почувствовал, как его уши на мгновение нагрелись. Ему показалось, что что-то не так, но что конкретно сказать не мог. Он просто решил, что ему плохо, и спросил:

— Тебе плохо?

Внимание Морфа было полностью сосредоточено на нежных, то открывающихся, то закрывающихся губах омеги. Он рассеянно ответил:

— Плохо? Может, немного...

Аккуратный нос Цюэ Цю понюхал воздух:

— Кажется, я чувствую лёгкий запах ржавчины, похожий на запах крови.

И ещё... Похоже, этот запах исходил от альфы перед ним.

Цюэ Цю с подозрением посмотрел на Морфа:

— Ты ранен?

Альфа, казалось, не ожидал такого вопроса. Он мгновенно опешил и смущённо поднял руку, прикрыв беспокойную железу.

Он боялся, что его аномалию обнаружат, и даже голос постепенно стал тише.

— Ты ошибся, нет никакого запаха ржавчины.

Морф вспомнил дневной разговор и тут же пожалел.

«Чёрт, разве он не говорил, что как бракованный омега не может производить феромоны и не способен их ощущать?»

«Тогда что сейчас происходит?»

«Подождите...»

Глаза альфы вдруг блеснули.

Он внезапно подумал, что, казалось, всегда чувствовал на Цюэ Цю лёгкий, словно прогретый солнцем, тёплый запах. Возможно, это и были его феромоны?!

И такое проявление сильно совпадало с клиническими проявлениями одного заболевания.

До этого Морф никогда не думал в этом направлении.

Он взволнованно схватил руку Цюэ Цю и возбуждённо сказал:

— Мама, ты вовсе не бракованный омега!

«Ты даже не представляешь, какое ты сокровище!»

Цюэ Цю был озадачен его внезапным возбуждением:

— Что?

— Ты только что почувствовал на мне лёгкий запах ржавчины, верно?

Цюэ Цю честно кивнул, всё ещё чувствуя некоторое непонимание. Разве альфа не отрицал запах ржавчины?

Морф срочно продолжил допрашивать:

— А ты можешь почувствовать запахи тех альф, с которыми контактировал сегодня? Например, Ханса или Орфа.

— Могу. — Цюэ Цю без труда вспомнил. — От Ханса исходит влажный земляной запах, от Орфа — запах сгоревшей спички. Если брать раньше, то от Янь Вэйли исходил запах алкоголя, а от альфы-ястреба у городских ворот — лимонный.

— Это феромоны альф! Мама, ты способен ощущать феромоны альф! И более того, ты сам тоже можешь производить феромоны.

Эти слова полностью ошеломили Цюэ Цю. Не говоря уже о том, что он вообще не был настоящим омегой этого мира, его в целом признали бракованным. Как же тогда, как говорил Морф, он мог и ощущать чужие феромоны, и производить свои?

— Те запахи, что я учуял, возможно, просто совпадение.

Морф покачал головой:

— Нет, это определённо не совпадение. Те альфы высказали лишь ошибочные суждения, введённые в заблуждение опытом. Ты подсознательно считаешь, что те запахи, которые ты чуешь, — просто обычные ароматы, исходящие от альф, но на самом деле эти запахи — феромоны. Моё предположение: ты действительно можешь воспринимать феромоны, только воспринимаемые тобой они были разбавлены, поэтому ты на них не реагируешь.

— А как насчёт моего запаха? — спросил Цюэ Цю. — Мой запах до сих пор учуял только ты один.

Согласно описанию Морфа, это должен был быть запах цветущей золотистой канарейки.

Альф у поставили в тупик. Он замолчал на некоторое время, бешено пытаясь в памяти найти причину такого явления.

Вскоре он, казалось, нашёл её.

Морф медленно поднял голову, и Цюэ Цю с удивлением обнаружил, что изначально серебристо-серые глаза теперь немного проступили кроваво-красным, придавая ему некоторую зловещность.

— Целенаправленные феромоны...

Цюэ Цю нахмурился:

— Целенаправленные феромоны? Что это?

Альфа пристально посмотрел на него и слово за словом произнёс:

— Феромоны, которые могут быть восприняты только определёнными людьми, в науке называются целенаправленными феромонами.

Он сделал паузу, прежде чем начать объяснять:

— Целенаправленные феромоны обычно появляются у омег. Это приводит к тому, что феромоны этого омеги могут вызывать реакцию только у конкретных нескольких людей или одного человека. Целевой объект может быть альфой, бетой или даже омегой. А человек, воспринимающий целенаправленные феромоны, всё равно может чувствовать феромоны других альф или омег, но реагировать будет только на целенаправленные феромоны.

— Проще говоря, между обычными альфами и омегами существует групповая связь, а между целенаправленными феромонами и целевым объектом — односторонняя связь друг к другу. То есть твои феромоны в этом мире могут воспринять все, но только у меня будет традиционная реакция альфы на омегу. Аналогично, мои феромоны для тебя тоже такие.

Используя земную терминологию, это можно было объяснить как групповой чат и личный чат. Причём личный чат, где система подбирала друзей, которых нельзя удалить.

Обладатели целенаправленных феромонов и целевые объекты, кем бы они ни были, могли воспринимать феромоны других альф или омег, но среди триллионов живых существ в необъятной вселенной, сколько бы ни появлялось людей, они всегда будут возбуждаться, радоваться, волноваться только из-за феромонов друг друга.

Выслушав объяснение Морфа о целенаправленных феромонах, в сердце Цюэ Цю появился ответ:

— Значит...

В Империи проживало около 30 миллиардов граждан, из которых доля омег составляла менее одной тысячной. Среди этих 30 миллиардов, с вероятностью одной тысячной, доля омег с целенаправленными феромонами представляла собой лишь одну миллиардную.

То есть, если растянуть временную шкалу, среди бесчисленных поколений омег, вместе взятых, на каждый миллиард омег приходился лишь один с целенаправленными феромонами.

Не говоря уже о том, сможет ли этот омега за свою жизнь, слишком короткую в масштабах всей вселенной, найти того, кто сможет воспринять его феромоны.

Так что...

— Наша встреча — вероятность один на сотни миллионов, бесконечно близкая к нулю.

Цюэ Цю хоть и не понимал правил этого мира, но после рассказа Морфа в некоторой степени был тронут.

Он действительно был благодарен судьбе, пославшей ему Маомао и позволившей в чужом, незнакомом мире найти своё место покоя.

Однако, очевидно, мысли альфы были не так просты, как думал Цюэ Цю.

Морф продолжил:

— До встречи с тобой я никогда не задерживал взгляд ни на одном омеге.

Он продвинулся вперёд и, оказавшись на расстоянии одного кулака от Цюэ Цю, медленно опустил голову, открыв ему свою самую уязвимую часть — заднюю часть шеи, которую никогда не показывали никому, кроме самого близкого любимого человека.

Морф отодвинул растрёпанные серебряные волосы на шее, лишившись прикрытия волосами. Над остистым отростком седьмого шейного позвонка полностью обнажился кусочек розовой нежной кожи размером с мизинец, попав в поле зрения Цюэ Цю.

— Ты...

Не успел Цюэ Цю договорить, как альфа взял его руку, чтобы ощупать и погладить тот маленький мягкий участок.

— Это железа альфы. Сегодня ты видел многих альф в сдерживающих ошейниках, верно? Насколько я помню, я тоже должен был носить такой ошейник.

Вспомнив альф, увиденных днём в училище, и описание Ханса, Цюэ Цю с лёгкой жалостью погладил железу Морфа.

Но, к удивлению, эта мягкая кожа оказалась необычайно гладкой и целой, без воображаемых Цюэ Цю неровностей от введения игл.

Альфа тихо рассмеялся, с зависимостью потираясь щекой о его белую кисть:

— Сдерживающий ошейник может наказывать только плохих псов, впадающих в эструс при виде омеги... Но я хороший пёс, верный только маме.

Автору есть что сказать:

Приглашение омеги потрогать свою железу — чем это отличается от обмана, чтобы тот

потрогал его «стержень»?!

Подаю жалобу на генерала Дуаня за хулиганство!

<http://bllate.org/book/13573/1204611>